

УДК 332.145

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТНОГО, СТРУКТУРНОГО И ПОТОКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОТСТАЛЫХ

РЕГИОНОВ РФ

Ванюшкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vanyushkin2@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы развития отсталых/депрессивных территорий и регионов РФ с позиций моделирования объектного состава «точек роста», перспективной структуры экономики региона, межрегиональных потоков товаров/услуг, инвестиций, технологий. Разработана концепция и последовательность объектного, структурного и потокового моделирования перспектив и макет целевого профиля развития проблемных территорий РФ, который может стать основой для составления программ трансформации отсталых регионов РФ.

Ключевые слова: отсталый регион, депрессивная территория, развитие, моделирование, «точки роста», ограничения, структура экономики, межрегиональные потоки товаров/услуг.

ВВЕДЕНИЕ

Тематика преодоления региональных диспропорций между регионами РФ является актуальной достаточно продолжительный период времени. На текущий момент эти диспропорции сохраняются: разница между самыми богатыми и бедными регионами РФ по уровню ВРП на душу населения достигает 52 раз. При этом 14 регионов России в разных источниках относятся к депрессивным: Адыгея, Алтай (республика и край), Калмыкия, Карелия, Чувашия, Тыва, Марий Эл, Хакасия, Курганская, Псковская, Ивановская, Кировская и Еврейская автономная области [1]. Кроме того, можно выделить 15 отсталых регионов РФ с уровнем ВРП на душу населения менее 250 тыс. руб.: Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия–Алания, Ивановская область, Дагестан, Крым, Тыва, Бурятия, Алтай (республика и край), Адыгея, Чувашия, Курганская область [2].

Анализу политики развития депрессивных территорий в РФ и за рубежом посвящены исследования Чернышева К. А. [3], Лапина А. В. и Кутергиной Г. В. [4], Яновой Е. А. и Грибановой Н. В. [1], Никонова А. Г. [5], Исмагиловой Т. В. и Чинаева Т. В. [6], Сурковой С. А. и Шушариной В. В. [7], Красноперовой И. Р. [8].

При этом моделированию развития депрессивных территорий посвящена только статья Лапина А. В. и Кутергиной Г. В. [4]. В исследовании указанных авторов приведены исходные и моделируемые показатели развития депрессивных территорий. К исходным показателям в источнике отнесены: численность населения с доходом ниже прожиточного минимума, уровни миграции трудоспособного населения и демографического спада, продолжительность жизни, уровни доходов и занятости населения, показатели в сферах обеспеченности жильем, образования и здравоохранения, состояния основных фондов. К моделируемым показателям в источнике отнесены: ВРП, ВРП на душу населения, объем инвестиций в отраслевом

разрезах, удельный вес убыточных организаций и организаций, использующих инновационные технологии.

Приведенный перечень исходных показателей позволяет исчерпывающе охарактеризовать текущее состояние территории и безошибочно идентифицировать ее депрессивный статус. Однако этот перечень не позволяет моделировать перспективы развития депрессивных и отсталых территорий, т. к. не содержит ни одного фактора, влияющего на изменение их депрессивного статуса, что возможно было бы зафиксировать через улучшение упомянутых моделируемых показателей.

Факторы развития депрессивных территорий приведены в исследованиях других авторов, например, Сурковой С. А. и Шушариной В. В. [7]. Так, к мерам активизации инвестиционной деятельности в депрессивном регионе отнесено «выделение зон опережающего развития с определением их ... специализации и наиболее перспективных проектов». По сути, речь идет о формировании «точек роста» экономики региона. В качестве одной из основных мер региональной политики в отношении депрессивных территорий «точки роста» упомянуты также в статье Яновой Е. А. и Грибановой Н. В. [1]. При этом в статье Никонова А. Г. приведен недостаток подхода «точек роста», заключающийся в том, что «более экономически сильные регионы получают большую часть... помощи, т. к. требуется обязательное софинансирование ... из местных бюджетов» [5]. Этот недостаток можно устранить за счет более адресного характера помощи депрессивным территориям в рамках госпрограмм их развития. При этом для повышения эффективности использования подобной адресной помощи требуется выявить в регионах те самые «точки роста», которые позволят улучшить их социально-экономические показатели.

Также к основным мерам развития депрессивных территорий относится упомянутая в статье Исмагиловой Т. В. и Чинаева Т. В. «переориентация отраслевой структуры производства» [6]. В источнике указано, что адресная помощь должна тратиться «на структурную перестройку экономики района, а не на сохранение нежизнеспособных мощностей». Таким образом, речь идет о структуре экономики депрессивной территории как основном факторе ее развития.

В статье Красноперовой И. Р. [8] рассмотрен опыт развития депрессивных районов в Германии. Указано, что основным отличием немецкого опыта от российского является акцент на факторах «второй природы» – институтах, содействующих улучшению бизнес – климата, внедрению инноваций и т. п. Несмотря на то, что фактор институтов очень важен для развития депрессивных территорий, он является «общим местом» для всех регионов РФ без исключения, тем более это вписывается в рамки подходов по улучшению бизнес–климата, внедряемых Агентством стратегических инициатив (АСИ) при Президенте РФ. В то же время для моделирования развития депрессивных и отсталых регионов страны имеют значение факторы, индивидуальные для каждого субъекта РФ.

По нашему мнению, к индивидуальным факторам, отсутствующим в вышеперечисленных исследованиях политики развития депрессивных территорий, следует отнести их место и перспективы встраивания в «цепочки добавленной стоимости» (ЦДС), пусть и не глобальные, но хотя бы межрегиональные. В более широком ключе здесь

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТНОГО, СТРУКТУРНОГО И ПОТОКОВОГО...

речь идет об объеме потоков товаров, услуг, инвестиций, циркулирующих между депрессивными/отсталыми территориями и другими регионами страны.

Исходя из вышеизложенного, перспективы развития депрессивных территорий в РФ зависят от объектного состава «точек роста», позволяющих улучшить отраслевую структуру местной экономики; от объема и структуры межрегиональных потоков товаров, услуг, инвестиций, отражающих место региона в цепочках добавленной стоимости. Однако в опубликованных статьях на тему развития депрессивных территорий в РФ подобный подход отсутствует. Это указывает на актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования – разработка основ концепции объектного, структурного и потокового моделирования перспектив развития экономики отсталых регионов РФ.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В статье Яновой Е. А. и Грибановой Н. В. указано, что региональная политика развития депрессивных территорий должна предусматривать, в т. ч., «укрупнение регионов вокруг нынешних “точек роста”» [1]. На наш взгляд, концентрация внимания только на уже существующих «точках роста» сильно сужает базу возможностей для развития отсталых/депрессивных территорий. Поэтому основной акцент надо делать на поиске новых возможностей («точек роста»), тем более что это соответствует ранее упомянутой цитате из статьи Исмагиловой Т. В. и Чинаева Т. В. о необходимости структурной перестройки экономики региона.

На первом, поисковом этапе моделирования, необходимо идентифицировать отрасли перспективных «точек роста», актуальных для отсталых/депрессивных территорий. На этом этапе моделирование будет носить скорее качественный, чем количественный характер. По нашему мнению, на данном этапе целесообразно исходить из следующих предпосылок:

- наличие потенциала использования локальных конкурентных преимуществ территории (ресурсов, географического положения, климата и т. д.);
- наличие устойчивого высокого спроса со стороны других регионов РФ на продукцию/услуги, которая может быть произведена на таких территориях;
- тип конкурентной стратегии, актуальной для территории: на базе эффекта масштаба либо дифференциация и поиск низко конкурентных ниш рынка;
- ограничения масштабирования «точек роста» на территории (дефицит ресурсов, квалифицированных кадров, отсутствие требуемых технологий и т. д.).

Рассмотрим вышеперечисленные предпосылки более подробно. Потенциал использования локальных конкурентных преимуществ территории может быть очевидным или скрытым. К очевидному потенциалу следует отнести наличие разведанных запасов полезных ископаемых в регионе, в первую очередь, таких как нефть, газ, уголь, руды черных и цветных металлов. Такой вид ресурса, как климат, полагаем отнести к частично очевидному потенциалу. Очевидным потенциал использования климата является для курортных регионов РФ, по которым давно и подробно описаны рекреационные и лечебные возможности этих территорий. Скрытым потенциал использования климата является для большинства регионов

РФ с неблагоприятными климатическими условиями. Так, развитие криогенных технологий в медицине выявило значительный криогенный потенциал «холодных» территорий РФ (Сибирь, Арктика). Это может быть актуально для расположенных в Сибири депрессивных/отсталых территорий (Хакасия, Еврейская АО и т. д.). Кроме того, климатический потенциал огромных таежных пространств Сибири и европейского Севера РФ имеет еще как минимум два актуальных аспекта его использования: сбор грибов и ягод, а также эфиромасличного сырья (хвои), обладающего бактерицидными и противовирусными свойствами.

К категории частично скрытого также полагаем целесообразным отнести и туристский потенциал территорий. Для регионов с устоявшимся перечнем туристских достопримечательностей (природных, объектов культурного наследия и т. п.) туристский потенциал является очевидным. Для территорий, где такие объекты отсутствуют, может быть выявлен скрытый туристский потенциал. Например, заброшенные промышленные объекты при желании можно превратить в интересные места притяжения для туристов, организовав квесты, превратив в арт-объекты, инсталляции и т. д. Такие примеры в регионах РФ имеются (обычно рассматриваются в рамках редевелопмента территорий) и актуальны для моногородов, большинство из которых являются депрессивными территориями.

К категории частично очевидного следует отнести и транзитный потенциал территорий. Так, с точки зрения существующих транспортных путей, коридоров, транзитный потенциал регионов является очевидным. А с точки зрения перспективных путей транзитный потенциал регионов будет скрытым. Так, например, начало разработки месторождения рудных полезных ископаемых (уголь, металл) в соседнем регионе может породить необходимость прокладки кратчайшего железнодорожного маршрута через депрессивную территорию. Подобная ситуация вполне может иметь место в Сибири. Потенциальное изменение геополитической ситуации также может обнаружить скрытый транзитный потенциал территории. Сказанное относится, прежде всего, к Республике Крым, где из-за введенных санкций уже семь лет простаивают морские порты. В то же время в средние века через Крым проходил «шелковый путь», который в XXI веке пытается возродить Китай.

Еще один специфический и крайне актуальный на текущий момент вид использования локальных конкурентных преимуществ территории связан с углублением переработки исходного сырья, в т. ч. сельскохозяйственного. Это актуально и для Республики Крым, где преобладает вывоз зерновых, а не, например, муки, макарон или других изделий с заметно большей добавленной стоимостью. Это же касается и дефицита мощностей по производству соков, овощных консервов, а также эфирных масел в упомянутом регионе.

Выявление следующей предпосылки – наличия устойчивого высокого спроса со стороны других регионов РФ на продукцию/услуги, которая может быть произведена на отсталых/депрессивных территориях – требует тщательного анализа статистики внешнеторгового и межрегионального товарооборота в РФ, а также изучения данных маркетинговых исследований рынков в разрезе отдельных видов продукции/услуг. При этом фокусом поиска на втором этапе являются

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТНОГО, СТРУКТУРНОГО И ПОТОКОВОГО...

выявленные на предыдущем этапе виды продукции/услуг, которые могли бы потенциально производиться на отсталой/депрессивной территории. Например, по данным РБК, 80 % объема рынка эфирных масел в РФ закрывается импортом, при этом их импорт в Россию растет на 5 % в год. Это показывает высокий рыночный потенциал инвестиционных проектов по выращиванию эфирноносителей и их переработке в эфирное масло на территории Крыма как «точек роста» региона. Выявленный таким образом перечень перспективных для отсталой/депрессивной территории видов продукции/услуг необходимо ранжировать в порядке убывания объемов и темпов роста рынка (по аналогии с методологией Бостонской консалтинговой группы по матрице BCG).

Третья предпосылка – тип конкурентной стратегии, актуальной для отсталой/депрессивной территории, – подразумевает, что необходимо определиться, может регион конкурировать на основе достижения эффекта масштаба или нет, и тогда следует сфокусироваться на отдельных низкоконкурентных нишах рынка, на которых у региона имеются весомые преимущества. Например, Республика Крым не может конкурировать по большинству позиций сельскохозяйственной продукции с Краснодарским краем РФ, т. к. объемы сельскохозяйственного производства в последнем на порядок превышают таковые в первой. Из этого следует, что в Крыму актуальна стратегия фокусирования на отдельных низкоконкурентных, при этом перспективных с точки зрения размеров и темпов роста рынка позициях. На наш взгляд, такими нишами в Крыму являются овцеводство (баранина + шерсть), производство козьего молока (целебные свойства), эфирных масел, натуральных соков, овощных консервов и другой экологически чистой продукции.

В рамках этой же предпосылки необходимо определиться, будет ли регион делать ставку на реализации крупных, масштабных инвестиционных проектов либо сосредоточится на поддержке развития субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ). У обоих вариантов развития есть свои преимущества и недостатки.

Реализация крупных инвестиционных проектов не требует дальнейшего масштабирования соответствующих «точек роста», и в этом главное преимущество такого подхода. В то же время создание и эксплуатация крупных объектов может негативно отразиться на состоянии малого и среднего бизнеса в этой отрасли в регионе. Так, приход в любой регион РФ крупного агрохолдинга, например, с полным циклом производства свинины, может на корню уничтожить малые фермерские хозяйства, также специализирующиеся на свиноводстве. Результатом будет рост безработицы и падение уровня доходов населения, рост бедности. Очевидно, что это весьма существенный недостаток прихода крупного бизнеса в регион.

Подход с опорой на развитие МСБ означает поощрение и поддержку кооперации, например, между малыми и средними фермерскими хозяйствами. Поскольку поощрение и поддержка кооперации является одним из инструментов масштабирования МСБ. Так, объединенные закупки ГСМ, семян, кормов и т. д. кооперативом фермеров позволяют добиться скидки на объем с цены единицы закупаемого ресурса и, таким образом, повысить доходность ведения хозяйства

каждым членом кооператива. Также объединение фермеров позволяет увеличить возможности выхода на новые рынки сбыта за счет большей заметности кооператива как крупного игрока. Недостаток данного подхода заключается в том, что не все субъекты МСБ склонны предпочесть кооперацию конкуренции и могут стремиться «подмять под себя» более слабых участников объединения. Может иметь место другая ситуация, когда численность и размеры субъектов МСБ недостаточны для достижения синергетического эффекта от их объединения в кооператив.

Последняя предпосылка – ограничения масштабирования «точек роста» на территории – подразумевает, что разнообразные условия могут стать препятствием для достижения объемов продаж и выручки от новых объектов, при которых становится заметным их вклад в рост ВРП региона. К таким условиям относятся дефицит сырья и иных ресурсов, квалифицированных кадров, низкий технологический уровень производства и отсутствие новых технологий и т. п.

Например, на текущий момент самым серьезным ограничителем для сельского хозяйства Республики Крым является усиливающийся дефицит воды. Именно устойчивый дефицит воды в регионе сильно ограничивает возможности развития ряда секторов сельского хозяйства, включая выращивание кукурузы, разведение КРС, а на таких направлениях, как выращивание риса, сахарной свеклы, вообще ставит крест. Из-за дефицита воды в Крыму возможно выращивание только засухоустойчивых культур и разведение животных, привычных к засушливому климату.

Дефицит воды является ограничивающим фактором не только в сельском хозяйстве региона. На севере Крыма до сих пор функционирует ряд химических заводов (АО «Крымский содовый завод», «Крымский Титан», «Бром»). Из них самым крупным потребителем воды является АО «Крымский Титан». Дефицит воды на этом предприятии привел к испарению содержимого накопителя кислотных отходов и последующему выбросу в воздух сернистого ангидрида в 2018 году, из-за чего пришлось срочно эвакуировать детей из Армянска. Таким образом, дефицит воды повысил экологическую опасность химических предприятий на севере Крыма. Поскольку АО «Крымский Титан» – градообразующее предприятие Армянска (и потому сам Армянск отнесен к моногородам), то закрывать его нельзя, работу могут потерять 4400 человек из 10000 занятых в этом городе. Поэтому возможно только перепрофилирование, направление которого еще предстоит определить.

В Республике Крым удалось сохранить судостроительные заводы («Залив» в Керчи, «Море» в Феодосии, «Севморзавод» в Севастополе). Длительное время мощности этих предприятий простаивают ввиду почти полного отсутствия заказов. Однако даже если предположить, что вдруг у этих заводов появятся серийные заказы на постройку морских судов, то быстро встанет проблема отсутствия достаточного числа квалифицированных кадров. Опыт последних 10 лет показывает, что в российском судостроении наблюдается устойчивый дефицит сварщиков высших разрядов. Эта проблема актуальна и для крымских

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТНОГО, СТРУКТУРНОГО И ПОТОКОВОГО...

судостроительных заводов. При этом профильные (для данной профессии) профтехучилища в регионе отсутствуют.

Помимо судостроительных заводов в Крыму до распада СССР успешно функционировал и ряд предприятий по выпуску судовых приборов и радиотехники. Часть из этих заводов формально работает и поныне, например, ООО «Севастопольский радиозавод» и АО «Завод Фиолент» в Симферополе. Однако на текущий момент эти предприятия – лишь тень от их былой славы: вместо массового или серийного производства профильной продукции имеет место быть мелкосерийное и штучное, часть мощностей перепрофилирована под выпуск низкотехнологичных товаров («Фиолент» ныне выпускает строительный инструмент вместо судовых приборов). Завод «Фотон» в Симферополе, некогда выпускавший телевизоры для всего СССР, фактически прекратил свое существование после пожара в 2011 году. Восстановление данной отрасли в Крыму невозможно не только из-за отсутствия основных фондов и квалифицированных кадров. Приборостроение является высокотехнологичной отраслью, и без крупных затрат на НИОКР успешно конкурировать даже на внутреннем рынке практически невозможно. Таким образом, главным ограничителем в данной отрасли являются технологии.

Одним из важнейших факторов масштабирования «точек роста» региона является наличие или дефицит необходимой инфраструктуры: транспортной, энергетической, коммунальной. Так, для улучшения логистики в Крыму были реализованы крупные инфраструктурные проекты: Крымский мост, трасса «Таврида». В 2021 году объявлено о начале реализации проекта по строительству в Крыму оптово-логистического центра. Для улучшения ситуации с энергоснабжением в Крыму были построены две тепловые электростанции, ранее проложен подводный кабель с Кубани. В 2021 году по распоряжению Президента РФ Крыму выделены средства на модернизацию коммунальной инфраструктуры (50 млрд руб.). На текущий момент в Крыму ощущается дефицит инфраструктуры хранения урожая в сельском хозяйстве: зерновых и овощных элеваторов, холодильников для рыбы. Этот дефицит является сдерживающим фактором для реализации проектов («точек роста») в сельском хозяйстве региона. На текущий момент малоосвоенным остается рекреационный потенциал западного и восточного Крыма (а ЮБК перегружен). Одна из причин – требуется создание дорогой инфраструктуры очистки стоков.

В то же время наличие вышеуказанных ограничений может стать стимулом для реализации направленных на их устранение инвестиционных проектов, которые при условии их масштабирования могут стать «точками роста». Например, высокая энергоемкость функционирующих в РФ металлургических заводов наряду с повышением мировых цен на металл в 2021 году актуализирует потребность в строительстве в ряде промышленных регионов РФ мини-заводов, утилизирующих лом черных и цветных металлов. Дефицит воды в Крыму привел к ажиотажному спросу в сельском хозяйстве региона на технологии капельного орошения. Это указывает на хорошие перспективы инвестиционных проектов по строительству мощностей по производству систем капельного орошения в Крыму.

После идентификации перспективных «точек роста» отсталых/депрессивных территорий с учетом рассмотренных четырех предпосылок следует провести объектное моделирование их развития, используя в том числе собранные на первом этапе данные по объемам и динамике спроса на соответствующую продукцию/услуги со стороны регионов РФ, а также о среднеотраслевой рентабельности производства. Также потребуются данные об ориентировочных объемах инвестиций, которые можно почерпнуть из специализированных российских электронных баз данных по аналогичным инвестиционным проектам. Наличие указанных данных позволит в первом приближении смоделировать развитие каждой выявленной «точки роста» региона как инвестиционного проекта, используя стандартные показатели и методы расчета финансовой эффективности, количественного анализа рисков (на основе данных о волатильности цен, объемов производства аналогичных товаров/услуг).

Помимо финансовой эффективности для собственников, в рамках объектного моделирования необходимо также определить и влияние выявленных «точек роста» на экономику региона. Под таким влиянием следует понимать не только рост ВРП, экспорта, налоговых поступлений, снижение безработицы, но также и улучшение структуры экономики региона. В этом обнаруживается тесная связь объектного моделирования «точек роста» и структурного моделирования развития отсталого/депрессивного региона в целом. В рамках структурного моделирования также необходимо анализировать межотраслевые мультипликативные эффекты, в т. ч. возникающие за счет создания промышленных, сельскохозяйственных и иных кластеров в регионе. На наш взгляд, для анализа перспектив улучшения структуры экономики региона целесообразно использовать подход «эталонных проектов», изложенный в одном из трудов Агафонова В. А. [9] и согласующийся с известной парадигмой индикативного планирования. Суть подхода «эталонных проектов» заключается в установлении целевых значений стратегических параметров, которым должны удовлетворять реальные проекты. В нашем случае стратегическими параметрами являются целевые доли отрасли проекта в ВРП, экспорте региона с учетом межотраслевых мультипликативных эффектов.

При установлении таких целевых долей целесообразно ориентироваться на успешный опыт и структуры экономик регионов РФ, наиболее близкие по своему составу к моделируемому. Отсюда понятно, что при установлении целевых значений долей отраслей в экономике региона не следует ориентироваться на опыт Москвы и Санкт-Петербурга, т. к. скопировать его не удастся по объективным причинам. Например, для Республики Крым целесообразно ориентироваться на опыт Краснодарского края РФ ввиду схожего отраслевого состава экономики. В случае отсутствия успешного региона-аналога (что актуально для моногородов), следует планировать достижимые целевые доли отраслей, например, рост на 5–10 % в год.

Как показывает отечественный опыт, формирование кластеров на отсталых/депрессивных территориях возможно далеко не всегда ввиду наличия ограничений по ресурсам, инфраструктуре и узкого спектра отраслей местной экономики. Тогда следует рассмотреть возможность формирования

КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТНОГО, СТРУКТУРНОГО И ПОТОКОВОГО...

межрегиональных кластеров. В статье Махотаевой М. Ю и Бакуменко О. А. приведены определения понятия «межрегиональный кластер», а также предпосылки его формирования [10]. Основными условиями здесь являются: наличие взаимного дополнения экономик регионов, развитой сети поставщиков и сопутствующей инфраструктуры, выпускаемая в регионах продукция является конкурентоспособной. Стоит заметить, что при отсутствии последних двух условий вряд ли будет иметь место и первое. Очевидно, что именно так обстоит дело во многих отсталых/депрессивных регионах РФ.

Выходом из такой ситуации может стать стимулирование инвестиций субъектов бизнеса из других регионов РФ путем создания льготных условий: налоговых, финансовых, административных. Учитывая неоднозначный опыт функционирования ОЭЗ РФ, льготная поддержка бизнеса должна быть точечной: в рамках разработанных отраслевых программ развития региона, межрегионального сотрудничества, составленных с учетом выявленных «точек роста». Это согласуется с мнением Яновой Е. А. и Грибановой Н. В. о необходимости «перехода от тотальной к точечной поддержке инвесторов на локальных территориях» [1]. Точечная поддержка инвестиций из других регионов РФ в выявленные «точки роста» является адресной, что устраняет возможности нецелевого использования налоговых льгот.

При этом необходимо также бюджетное финансирование отраслевых программ развития отсталых/депрессивных территорий, в частности, программ и проектов создания требуемой инфраструктуры, формирования инвестиционных площадок и т. п. В принципе, в этих целях возможно привлекать и частные инвестиции в формате ГЧП. Тогда следует моделировать условия ГЧП: доли участия бизнеса и государства в финансировании конкретных объектов, сроки проектов, раздел прибыли и т. д.

При определении влияния «точек роста» региона на его потоки вывоза/экспорта товаров/услуг, привлечение инвестиций, развитие межрегиональных кластеров, мы плавно переходим к потоковому моделированию. В рамках потокового моделирования следует учитывать не только вывоз/экспорт продукции/услуг из региона, но и ввоз/импорт, т. е. опираться на чистый вывоз/экспорт. Так, созданное новое производство или сервис на отсталой/депрессивной территории при условии наличия достаточного внутреннего спроса может ориентироваться не на вывоз/экспорт из региона, а на замещение ввоза/импорта в него. Также здесь следует прогнозировать результаты функционирования межрегиональных кластеров (уже существующих и перспективных): внутри кластерные потоки промежуточной и конечной продукции/услуг между регионами–участниками; их доли в цепочках добавленной стоимости внутри кластеров; объемы взаимных внутрикластерных инвестиций; уровень синергетического эффекта межрегиональной кооперации.

На основе вышеизложенного нами сформирована последовательность объектного, структурного и потокового моделирования перспектив развития экономики депрессивных территорий (отсталых регионов) РФ. Она показана на рис. 1.

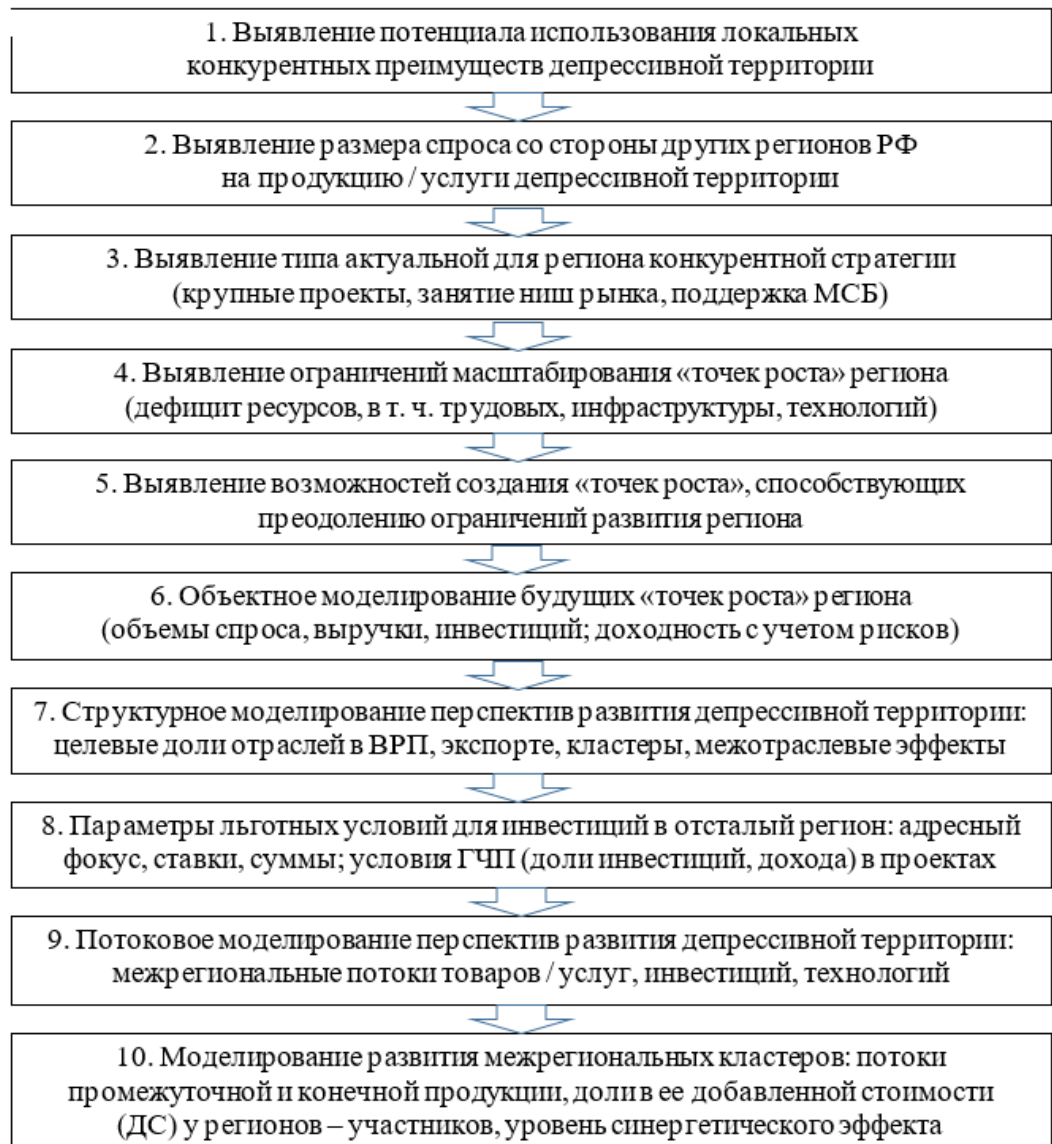

Рисунок 1. Последовательность объектного, структурного и потокового моделирования перспектив развития экономики отсталых/депрессивных регионов РФ

Результатом моделирования по приведенной на рис. 1 последовательности должен стать целевой профиль развития депрессивной территории, см. табл. 1.

Таблица 1.

Макет целевого профиля развития депрессивной территории

Наименование категории	Виды показателей
Вид потенциала и локальных конкурентных преимуществ территории	Ресурсный, рекреационный, туристический, транзитный, переработка сырья и т. п.
Виды продукции/услуг, которые могут раскрыть потенциал и преимущества территории	Согласно классификатору КВЕД, в разрезе отраслей экономики региона
Регионы РФ – потенциальные потребители указанных видов продукции/услуг	Перечень субъектов РФ и объемы ввоза/импорта в разрезе видов продукции/услуг
Динамика роста спроса на указанные виды продукции/услуг со стороны субъектов РФ	Среднегодовые темпы роста ввоза/импорта в разрезе видов продукции/услуг
Приоритетность указанных видов продукции/услуг территории по объемам и темпам роста спроса	Ранжированный по объемам и темпам роста спроса перечень видов продукции/услуг
Актуальный для региона тип конкурентной стратегии	Нишевая, крупные проекты, поддержка МСБ
Предпочтительные для региона рыночные ниши	Перечень видов продукции/услуг, отраслей
Отрасли экономики региона, предпочтительные для реализации крупных проектов	Перечень отраслей, целевые параметры инвестиционных проектов
Отрасли экономики региона, предпочтительные для поддержки субъектов МСБ	Перечень отраслей, целевые параметры субъектов МСБ, в т. ч. их численность
Типы ограничений масштабирования «точек роста», актуальные для территории	Дефицит ресурсов, кадров (указать отрасли инфраструктуры, технологий и т. п.)
Возможности преодоления указанных ограничений путем развития профильных «точек роста»	Перечень видов продукции/услуг, которые могут снять указанные ограничения
Перспективы развития «точек роста» региона как инвестиционных проектов	Объемы спроса, выручки, инвестиций; доходность с учетом анализа рисков
Потенциальное влияние выявленных «точек роста» на развитие территории	Целевые доли отраслей в ВРП, экспорте, кластеры, межотраслевые эффекты
Параметры льготных условий для инвестиций в развитие «точек роста», инфраструктуры региона	Типы и размеры льгот (виды налогов, ставки), суммы инвестиций, отрасли
Параметры ГЧП в инфраструктурных проектах	Доли инвестиций, дохода участников
Прогноз межрегиональных потоков товаров/услуг, инвестиций, технологий	Объемы и темпы роста потоков в разрезе отраслей, видов продукции/услуг
Перспективы развития межрегиональных кластеров с участием территории, их синергетические эффекты	Перечень отраслей, видов продукции/услуг, их прогнозные потоки, доля региона в ДС, прогноз эффектов на стороне затрат, выгод

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования были сформированы основы концепции объектного, структурного и потокового моделирования перспектив развития отсталых/депрессивных территорий/регионов РФ.

В этом контексте сформулированы предпосылки идентификации перспективных для развития отраслей экономики депрессивной территории, в т. ч. в виде «точек роста». Эти предпосылки включают в себя виды потенциала и конкурентных преимуществ территории; объем спроса со стороны других регионов РФ на продукцию/услуги территории; тип конкурентной стратегии, актуальной для территории (нишевая, поддержка МСБ, крупные проекты); ограничения масштабирования «точек роста» на территории (дефицит ключевых ресурсов, в т. ч. квалифицированных трудовых, инфраструктуры, технологий).

Разработана последовательность объектного, структурного и потокового моделирования перспектив развития отсталых/депрессивных территорий РФ. Помимо анализа вышеуказанных предпосылок она включает в себя также выявление возможностей развития «точек роста», способствующих преодолению ограничений развития региона; объектное моделирование будущих «точек роста», включающее прогнозирование спроса, выручки, инвестиций, доходности с учетом рисков; структурное и потоковое моделирование перспектив развития депрессивной территории (целевые доли отраслей в ВРП, экспорте, межотраслевые эффекты, межрегиональные потоки товаров/услуг, инвестиций, технологий, развитие локальных и межрегиональных кластеров, в т. ч. долю региона в их добавленной стоимости, уровень синергетического эффекта). Также в рамках подобного моделирования закладываются перспективные параметры льготных условий для привлечения инвестиций в развитие депрессивной территории (адресный фокус, виды и ставки налогов, предельные суммы инвестиций, условия и параметры ГЧП).

На базе данной последовательности нами сформирован макет целевого профиля развития депрессивной территории, позволяющий сформировать на его базе адекватные и реалистичные программы развития подобных регионов.

Список литературы

1. Янова Е. А., Грибанова Н. В. Государственная политика оздоровления территориальных образований с депрессивным статусом. // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 4. С. 90–97.
2. Валовой региональный продукт регионов России // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/vrp/>
3. Чернышев К. А. Идентификация депрессивных регионов в современной России // Регионология. 2014. № 4. С. 5–13.
4. Лапин А. В., Кутергина Г. В. Идентификация и моделирование развития депрессивных территорий: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-i-modelirovanie-razvitiya-depressivnyh-territoriy-otechestvennyu-i-zarubezhnyu-opyt/viewer>
5. Никонов А. Г. Стратегические направления развития депрессивных сельских территорий в современных условиях // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-napravleniya-razvitiya-depressivnyh-selskih-territoriy-v-sovremennyh-usloviyah/viewer>
6. Исмагилова Т. В., Чинаев Т. В. Организационно-экономические аспекты активизации развития ресурсного потенциала депрессивных территорий // Дискуссия. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-aspekty-aktivizatsii-razvitiya-resurnogo-potentsiala-depressivnyh-territoriy/viewer>
7. Суркова С. А., Шушарина В. В. Депрессивные регионы: типологические особенности и механизмы преодоления депрессивности // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 1 (94). С. 25–37.
8. Красноперова И. Р. Факторы трансформации социально-экономического развития в депрессивных районах Германии // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Серия 5 География. 2017. № 6. С. 79–87.
9. Агафонов В. А. Методология стратегического планирования развития кластерных промышленных систем: автореферат ... дисс. доктора экономич. наук 08.00.05. М., 2011. 43 с.
10. Махотаева М. Ю, Бакуменко О. А. Межрегиональное отраслевое взаимодействие Псковской области: кластерный подход // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 7 (77). С. 32–45.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021